

МАМЛЕЕВСКИЙ МИФ

К ДЕВЯНОСТОЛЕТИЮ АВТОРА «ШАТУНОВ»

О Юрии Витальевиче Мамлееве можно сказать очень многое. Я поделюсь своими отдельными впечатлениями, замечаниями, мыслями, заведомо отказываясь от какой бы то ни было попытки системного взгляда на эту грандиозную фигуру русской культуры, русской мысли, русской философии и русской литературы.

ДЛЯ МЕНЯ ЮРИЙ МАМЛЕЕВ предстаёт в двух обликах.

Есть Мамлеев, который был для меня источником колоссального метафизического вдохновения. Тот, кто всё во мне изменил, всё вернул наизнанку. Как в шаманской инициации, когда души вытаскивают внутренние органы посвящаемого, скелет делая на отдельные составляющие, вываривают в котле, а потом составляют заново. Как правило, в такой новой композиции возрождённого после инициации неофита, у него в теле недостаёт какой-то детали, а что-то является лишним. Например, иногда вместо ключицы вставляют медную пластину. Или не хватает ребра. Или появляется дополнительный сустав. Нечто подобное произошло со мной, когда я впервые прочитал произведения Мамлеева. Меня как будто духи сварили и восстановили заново. И что-то в моей конституции оказалось лишним, а чего-то уже не было. Во всяком случае, я перестал быть таким, каким был до знакомства с Мамлеевым.

Этот "первый" Мамлеев пришёл ко мне в виде текстов. Сначала в виде "Шатунов", которых издали мои друзья Сергей Жигалкин, Игорь Дудинский в самом начале 80-х. В книге было предисловие Игоря Дудинского, которое называлось "Письмо молодому интеллектуалу". И оно начиналось так: "Дорогой Саша..." И дальше Дудинский, как представитель южинского круга, мамлеевского салона, того, что иногда называли "шизойдной" культурой 60-х–70-х, описывал своё посвящение "Шатунов" новому поколению — в моём лице. От лица южинцев он обращался в моём лице ко всем тем, кто не застал период мамлеевского салона, но кто примкнул на следующем этапе, когда Юрий Витальевич уже давно был в эмиграции... И превратился в миф! Любые рассказы о Мамлееве от людей, которые его знали, которые участвовали в том периоде жизни, воспринимались как чистая мифология. Наверное, приблизительно так древние греки передавали события Троянской войны или путешествия Одиссея. Как Мамлеев шёл по улице, как жена распускала ему носки, чтобы не жали, какие фразы в какой ситуации говорил. Всё это были элементы мифа о Мамлееве, этого огромного, часто пьяного человека, нежным голосом шептавшего своим собеседникам метафизические откровения, поглаживая себя по брюху барскими лапками.

ГЕЙДАР ДЖЕМАЛЬ рассказывал историю, как однажды поздним вечером он сидел дома, в квартире на первом этаже, и читал. И вдруг услышал извне шевеление, словно кто-то стучался в окно. Гейдар Джахидович вышел — на улице настоящая московская зима (тогда ещё зимы были настоящие русские, это было советское время, но многое от Древней Руси, в частности, снег, ещё оставалось) — сурубой, лёгкая поэзия, жёлтые фонари и... ничего и никого. Гейдар Джахидович возвращается домой к чтению какого-то философского трактата. Через некое время всё повторяется. Опять что-то возвращается по ту сторону окна и раздаётся то ли приглушённый стук, то ли просто попытка постучать в окно с той стороны. Он подходит к окну и ничего не видит: тот же самый русско-московский снег, тусклое освещение, которое превращает тени от сурубов или деревьев в выразительно зловещие фигуры. Опять никого! Третий раз, когда это повторяется, Джемаэль уже понял, что надо быть более бдительным. Он решает подождать у окна, посмотреть, что же происходит. Наконец, он видит, как из-за суруба в жёлтом свете московских фонарей появляется фигура очень толстого и очень пьяного человека, похожего то ли на тень, то ли на бегемота в шапке, который подходит к дому, с трудом преодолевая инерцию тяготения. Его явно тянет в разные стороны московский пейзаж. Существует множество аттракторов, которые хотели бы заполучить эту тушу себе в объятья. И вот этот толстый человек (а человек ли он?) доброжелательно, но немного зловеще в силу своей неопределённости, приближается к окну Джемаля и стучит. И опять под влиянием неких сил, от которых он только что с трудом вырвался, откатывается и кубарем летит в суруб. Потому что усилие, которое он делает для того, чтобы постучать в окно друга, оказывается слишком сильным, он теряет равновесие и укатывается за пределы видимости. Так была разгадана тайна этого стука... Это Юрий Витальевич Мамлеев решил навестить Гейдара Джахидовича Джемаля. И пытался это сделать вопреки состоянию такого фундаментального, метафизического и физического опьянения, в котором пребывал. Гейдар Джахидович открывает дверь и приглашает друга к себе. И через некоторое время из-за порога раздаётся голос одновременно с мурлыканьем нежных и зловещими интонациями о том, что всё ужасно, всё кончилось, конец света наступил. С такими причитаниями Мамлеев, как глубокий белоснежной тьмы, выкатывается в квартиру Джемаля, выпивает чайку, продолжая беседу, которая никогда не кончалась.

ЭТОТ МАМЛЕЕВ, с которым я познакомился заочно, через легенды и произведения, был абсолютно живым для меня. Мамлеев ранних рассказов и "Шатунов" — как Падов, отчасти как Извицкий и прочие его герои. Пусть не как Фёдор Соннов, но как тот, кто знаком с Фёдором Сонновым не понаслышке. Это голос из Ничто, беседующий на поимок с ангелом, проходящим этапы инволюции от высших сфер к низшим.

Друг Мамлеева — поэт, мистик Валентин Провоторов — вероятно, от желания передать следующему поколению некоторые ключи к метафизике, снабдил меня тремя толстыми папками мамлеевского архива. Вынужден признать, что с миссией хранителя я не справился. Эти папки изъяли во время обыска в 83-м году и не вернули потом, несмотря на все мои требования. Я переживаю это как собственный провал, хотя все эти тексты сейчас опубликованы. Мамлеев, когда приехал и мы с ним очно познакомились, просил меня не предпринимать никаких действий, чтобы восстановить этот архив. Он говорил: "Всё есть, всё есть, это я на всякий случай сохранил, у меня было несколько копий, некоторые я увёз с собой за границу..." Но всё равно жалко, потому что эти три папки мне дали очень много.

Мамлеев, который жил в расказах, в свидетельствах и историях Евгения Головина, Гейдара Джемаля, Игоря Дудинского, Валентина Провоторова, Владимира Степанова, оказал на меня грандиозное влияние.

Я не был непосредственно причастен к Южинскому кружку, поскольку тот перестал существовать с эмиграцией Мамлеева, в начале 70-х годов, когда я был ещё ребёнком. И дома, где собирались южинцы, давно уже нет: его ещё до эмиграции Мамлеева разрушили и, соответственно, Южинский кружок как таковой перестал существовать. Да, и существовал ли он? Просто Мамлеев в своей коммунальной квартире собирал людей, которые пошли разными путями. Самым важным был не сам кружок, даже не какие-то отдельные его члены, но дух. И вот дух Южинского я застал, я знаю его. Пусть это был результат некромантии, то есть вызова души потустороннего Мамлеева. Но это было очень живо, и можно было воспринимать как прямой и очень фундаментальный, очень серьёзный, очень основательный опыт.

Я разбирался с каждой строчкой его произведений. Первую статью о Мамлееве я написал в начале восьмидесятых. Она потом потерялась, но стала для меня некоторой вехой в попытке собраться с мыслями и придать им какую-то первую законченность. Называлась статья "Мэтр боли №2" и была посвящена рассказу "Боль №2", который я интерпретировал метафизически. С Мамлеева и начался мой путь в составлении слов в литературе, в философии. И до сих пор я прекрасно помню тот свой анализ рассказа.

Для меня Мамлеев был посвятителем. Юрий Витальевич изначально предстал не как человек, а как дух, живущий в мифе, живущий в тексте, живущий в мыслях, живущий в моих снах. Как дух, как Ид (Оно) Фрейда, как бессознательное мира и того, что больше, чем мир. Огненный шар откровения. С ним я живу всю жизнь. И я с ним соотношу себя, я осмысляю, проживаю этого Мамлеева. Он был настолько невозможен, настолько запределен в 80-е, что, казалось, речь идёт о герое древнегреческого эпоса. И когда кто-то сказал, что Мамлеев приехал, что Мамлеев снова в Москве, это было сродни тому, что Одиссей вернулся после своих странствий. "Идите, встречайте Одиссея!" — настолько невероятной была новость. Мамлеев появился, но как он может появиться? Как может появиться, например, герой Лотреамона Мальдорор. Да, он живее всех живых. Да, он очень пронзителен, ярко, но... Или же к вашей гавани пристал "Пьяный корабль" Рембо. Что вы скажете, если вам сообщат такую новость? Наверное, вы скажете, что это остроумно, походячиливо... Но это из серии мистификаций. И Мамлеев, который "вернулся из эмиграции", — это чистая мистификация. Помню, что мы ходили к знаменитому коллекционеру Леониду Талочкину. Игорь Дудинский говорил: "А сейчас я покажу самое-самое парадоксальное, что только может быть!" Это была картина великого художника Пятницкого. А Владимир Павлович Пятницкий — это Мамлеев в облачении живописца. Он не просто иллюстрировал что-то мамлеевское или околосаммлеевское. Он принадлежал к той же реальности. Пятницкий был погружён и посвящён в миры тёмных русских духов второй половины XX века. В миры, которые фиксировал, открывал, интерпретировал и возводил к метафизическим корням Юрий Мамлеев. Картины Пятницкого были сногшибательны, невероятны. Они шокировали. И вот пробираемся мы сквозь другие работы в квартире Талочкина к картине Пятницкого, которая называлась "Девочка, читающая Мамлеева". Это уже был парадокс, потому что девочка, читающая Мамлеева — это сочетание несочетаемого. То, чего не могло быть. Потому что книг Мамлеева не могло быть, как не могли существовать книги, написанные, например, Мефистофелем или князем Гвидоном. Книга Мамлеева тогда воспринималась как книга, написанная духом, мифологическим персонажем. И часть обложки на картине "...млеев" это было самое точное описание того, что с нами происходило, когда мы смотрели на эту картину. Мы млели и бегали, не узнавали самих себя. Эта картина была сама по себе мистификация. Потому что девочка не может читать Мамлеева. Таких девочек нет! И такого Мамлеева нет, потому что он писал не то, что не для девочек... Он совершенно очевидно писал не для людей! Так что картина Пятницкого воспринималась как ещё одна мистификация, только художественная.

Вот в каком статусе Мамлеев существовал для меня. Думаю, что схожим образом он существовал для тех, кто его знал. Потому что, уехав, он покинул этот мир, он покинул пределы московского бытия. Он покинул область того онтологического региона, в котором продолжали существовать его герои, его свидетели, его последователи, узкий круг его почитателей. Пожалуй, его отсутствие было сродни незанятому месту у рыцарей Круглого стола. И это место, пустое кресло "Мамлеев", в котором ещё чудились очертания крупного, мягкого, смотрящего злыми глазами бездны на окружающих человека, было важнее, чем занятые места. Но это была лишь галлюцинация, лишь воспоминание или... призрак. Вместе с тем как призрак, как отсутствие, он наполнял это место невероятным насыщенным содержанием. Мамлеев присутствовал среди нас, он нас аффектировал, он на нас влиял. Мы к нему обращались, мы его изучали. Это был Мамлеев №1. Он жил, живёт, он есть.

И ВОТ МАМЛЕЕВ ПРИЕЗЖАЕТ. И вот тут я познакомился со вторым Мамлеевым. Мы сидели у Джемаля, на Каховской. Он говорит: "Сейчас придёт Мамлеев".

Это точно ожидание появления Мальдорора. Сам Джемаэль настрожился. Хотя это всегда был очень спокойный, очень мужественный человек. Но было видно, что и он нервничает... Потому что это как столкнуться с чем-то невероятным. Пустое кресло "Мамлеев" сейчас будет заполнено, что то произойдёт.

А вот дальше начинается уже второй Мамлеев. Заходит. Чуть ли не из аэропорта, вернувшись в Москву из Франции, Юрий Витальевич поспешил к Джемалю, как к своему тайному кругу, к своим ближайшим людям.

И то, что не могло произойти, то, что было исклочно — произошло. Просто потому, что Мамлеев уехал навсегда и навсегда. А остальные остались здесь, тоже навсегда и навсегда. И это оставление Мамлеевым Москвы надолго Москву тем, чем она была без него. И для нас, оставшихся, из этой Москвы не было выхода. Он ушёл, а мы остались. Без него. То, что он по ту сторону, а мы — по эту, тоже придало нашему бытию в 80-е годы какое-то особое измерение. Это был безмамлеевский мир. С отъездом Мамлеева ушло что-то фундаментальное, и ушло безвозвратно. И мы не могли перейти туда, а он не мог прийти сюда.

И вот он приехал. Мамлеев вошёл в квартиру, окинул её взглядом, пробормотал Джемалю на ухо какую-то фразу. Гейдар Джахидович потом говорил, что был поражён, поскольку Мамлеев назвал приблизительную стоимость его скромной "хрущёвки". Джемаэль ожидал от него всего, чего угодно, только не этого.

И дальше мы немедленно вступили в диалог, с того же места, на котором он прервался, но всё было не то. Это был второй, следующий Мамлеев. Вот этого Мамлеева я знал — мы с ним дружили, интересно и глубоко говорили, вместе выступали, устраивали лекции в Новом университете. С ним у меня были очень интенсивные, долгие и прекрасные отношения.

Но это было другое. И то, что он писал и публиковал, — это было другое. Я даже не знаю, в каком смысле "другое"... Просто есть два Мамлеева. Я знал двух Мамлеевых, двух совершенно разных метафизических существ. Мамлеева, того, которого я знал, не зная его, и он для меня был всем. И Мамлеева, которого я знал, Мамлеев, который вернулся из эмиграции... Но это был другой человек. Такое впечатление, что это был конспект Мамлеева. Одно дело — литературное произведение, другое — его пересказ или толкования.

Это чувствовал я, не знавший его. И старые друзья удивлялись "новому" Мамлееву. Почти все они сейчас ушли, все там... Но был момент, когда все были в этом мире, а Мамлеев уже не был первым Мамлеевым. Было удивление: кто же приехал?! Что произошло на Западе?!

Писатель Юрий Мамлеев со своим котом Ваской

Гипотезы были самые разные. Начиная с того, что он получил некое особое посвящение, до экстрасанктных версий, что кто-то похитил часть Юрия Витальевича, как сам он умел делать в инициатическом опыте. Что-то произошло в Америке или во Франции и превратило Юрия Витальевича в некоторый антипод самого себя. Вроде бы, в нём всё было прежне. Мамлеев привёз чемодан своих произведений. Он говорил на те же темы. Он так же блестел жёлтым взглядом, но это было другое... Вообще другое!

Мне кажется, что-то из наших даже спрашивал Мамлеева: "Юрий Витальевич, а расскажите, почему так? Почему уехал один человек, а вернулся другой? Паспорт тот же, та же внешность. Ну похудели раза в три, пить перестали. И изменились, но мало ли кто изменился..." Конечно, возраст, опыт, история меняют. Но и Головин, и Джемаэль, и Степанов были и ушли такими же. Каждый, наверное, ушёл в свою сторону. Но, по крайней мере, до ухода все были теми же.

А Мамлеев стал другим. И это "возвращение Одиссея", "явление Лотреамона" остаётся для меня загадкой. Было, признаю, некоторое разочарование. Я не знал Мамлеева, я достроил его личность по рассказам и произведениям. И я был несколько разочарован, когда увидел образец. Это можно было бы понять, если бы речь шла только обо мне. Но то же самое чувствовали и те, кто прекрасно его знал до эмиграции.

ПРОЛИЛ ЛИ ВЕРНУВШИЙСЯ МАМЛЕЕВ свет на самого себя прежнего? Я бы сказал — нет.

Мне казалось, что в своих новых произведениях, которые очень напоминали раннего Мамлеева, он пытался себя замаскировать. То есть он себя воспроизводил, но маскировал главное. У Мамлеева №1 было метафизическое жало. Это нечто, что проникает в твоё сердце, в твою суть, и всё в тебе меняет. Прикосновение метафизического жала ни с чем не спутать. Когда весь мир просто рушится. Будто лёд охватывает твоё сердце, и оно прекращает биться. Ты есть, но тебя уже нет. Или кто-то в тебе вместо тебя. Читая "Шатунов" с любой страницы, можно понять, о чём я говорю. Речь идёт не о чёрном юморе, не о стилизации метафизических проблем в простонародный инфернализм, как подчас можно воспринять Мамлеева. Вопросы бытия, духа, жизни и смерти, Бога и человека, времени и пространства ставились в книге так brutally, как бы без всякого подхода и учёта наших ограниченностей. Словно какая-то гигантская гиря давила хрупкое строение нашего воспитания, наших предрассудков, просто сметая всё. Или, например, в рассказе "Утопи мою голову" история бытового недоразумения приобретает всё более и более инфернальный характер. Тексты Мамлеева вводят нас в совершенно умопотрясающую проблематику и оставляют там. И ты уже не можешь вернуться. Человек остаётся с выпученными глазами или открытым ртом, который так до конца жизни, строго говоря, и не может закрыться.

Мамлеев производил на людей тонкой организации настолько ошеломляющее впечатление, что у них всё переворачивалось. Гейдар Джемаэль рассказывал, что в юности он был гегельянцем. Ещё подростком он прочитал всего Гегеля, видел мир навскось как некоторую систему движения Абсолютного Духа, распознавая его складки, хитрости, переплетения в любой точке мира. Вдруг он встречает Мамлеева и поражается. Потому что в центре его философии вдруг разверзлась бездна. И эта бездна — результат прикосновения мамлеевского жала. Как Джемаэль рассказывал, познакомившись с Мамлеевым, он вернулся домой поздно ночью. И в полном ошеломлении написал: "Я отказываюсь от всего, что я знал. У мира нет рассудочного основания, мир — это абсолютное безумие. И отныне мне предстоит иметь дело с ним в этом качестве". Вот так Мамлеев поражае уже искушённые метафизикой, искушённые философией, искушённые культурой умы. Он осуществлял полный переворот. И так же его воспринимали и те, кто был менее вовлечён в метафизику, но более эстетически ориентирован. Чем публике был дух, тем публике проникало жало Юрия Мамлеева. Если у человека была душа, она была поражена. Только полностью предметные люди воспринимали Мамлеева как нечто неприципиальное. Часто рассказывали историю о том, как Мамлеев читал свои рассказы в большой компании, в которой были не только южинцы, но и обычные интеллигенты. Один инженер, который пришёл со своей девушкой, бледнел, грустнел, его лицо искривилось всё больше и больше. И в какой-то момент он вскинул и зарорал: "Чудовище! Что вы делаете?! Вы унижаете человека! Вы показываете безнадежность нашего бытия! Этого не бывает! Вы всё придумали! Вы не достойны целовать... мои ботинки!" Мамлеев немножко перекосился своим пухлым лицом. В нём зажёгся странный, почти фиолетовый свет, и он очень нежно пробормотал: "А вот и достоин!" И полез под стол целовать ботинки инженеру. Этот жест не просто юродство, не просто дендизм. Это жест, который так же невозможен, как и всё остальное. То есть эта реакция существа, сотканного из стихий потусторон-

него, которое вдруг оказывается лицом к лицу с инженером. Датировать это невозможно, потому что это событие вне времени. Оно в каком-то смысле происходит здесь и сейчас.

Единственный человек, на мой взгляд, который за пределами России как-то понял Мамлеева, был Жан Парвулеско. Кстати, нас познакомила переводчица Мамлеева Каррер д'Анокс. И Парвулеско спросил: "Александр, скажите, пожалуйста, то, что пишет Мамлеев в "Шатунах", имеет какое-то отношение к действительности, хотя бы отдалённое?" Я ответил: "Да, там всё, слово в слово — правда. Это чистая документированная реальность, документальный роман". У Парвулеско что-то в глазах свернуло. Это был взгляд, в котором было нечто от даков, Замолкиса, Лучиана Благи, Аде Кулиану или Чорана, взгляд, в котором вспыхнула вся румынская метафизика в одно мгновение. Он сказал: "Так я и думал!" Я говорил себе, "Жан, это настолько невероятно, что это может быть только правдой! Только чистой правдой". Насколько это невозможно, что либо это абсолютная реальность, либо этого просто не могло быть. Вот такая парадоксальная реакция на Мамлеева.

А Мамлеев, который приехал, был другим. Он этого жала не имел. Он помнил, что жало было у него, но от этого ему было не по себе. И когда ему говорили: "Юрий Витальевич, вы же ужасный былин...", Мамлеев, поглаживая kota, улыбался, хитро прищуривался и говорил: "Ну, бывал, да... случалось... Ну, вы не волнуйтесь. Теперь всё по-другому. Теперь Россия-матушка, всё хорошо!" И переводил разговор на другую тему, по-мамлеевски также странно или имеющую некий подвох, но уже... без жала. То есть Мамлеев стал безопасным. С ним можно было общаться любому инженеру. Что бы он ни говорил, что бы он ни читал. И никто не возмущался. Мамлеев перестал быть метафизически токсичным.

ВОТ ПОЭТОМУ моё повествование о Мамлееве делится на две части. На Мамлеева, который был и которого я не знал, и Мамлеева, которого я знал, но которого не было. Я не хочу выносить какой-то вердикт относительно Юрия Витальевича Мамлеева. Не хочу строить гипотез относительно того, что с ним произошло на Западе. Я оставляю своё личное свидетельство.

Обращаясь к молодым интеллектуалам, которые захотят открыть для себя Мамлеева. Во-первых, открывание Мамлеева — это самое естественное, что может быть. Почему бы не хотеть понять, что мы, откуда мы, куда мы, зачем мы. Неестественно — избегать этого, быть бесчувственным к бытию. А быть потрясённым, разорванным, пораженным присутствием в этом мире как раз более чем естественно.

Во-вторых, доступ к Мамлееву может быть обнаружен, если провести различие, о котором я говорил. Скоро не останется никого, кто скажет: "Мамлеев до эмиграции и Мамлеев после — два совершенно различных метафизических модуса бытия". Одно даст интерпретацию другого, они переплетутся до неузнаваемости, и пиши пропало. Если исчезнет первый Мамлеев, то и второй Мамлеев будет непонятен. Конспект имеет свою онтологию, но именно в качестве контакта. То, что оригинал уехал, был жест оригинала. И это был оригинальный жест, именно в этом смысле он и имеет значение. Вернулась копия. Копия тоже очень важна. Может быть, так же важна, как оригинал. Но это копия...

В этом и смысл трёх папок с рукописями Мамлеева, которые я утратил. Ведь если мы что-то утрачиваем, это тоже имеет определённый смысл. Во-первых, всё утраченное может найтись. Во-вторых, если мы что-то утрачиваем, значит, у этого тоже есть какое-то основание. Поэтому Мамлеев был утрачен. И существует, как нечто утраченное. И если мы обретём утраченное, мы должны обрести его как то, что нам недоступно. К этому надо прорываться — вот что важно. Важно — метафизическое жало.

Но для начала Мамлеева надо разделить на две части. И одна из частей имеет признак утраченных рукописей. Да, они есть. Да, они опубликованы. Правда, Мамлеев процензурировал их. Это тоже интересный момент: Мамлеев не имел никакой надобности что бы то ни было цензурировать в тех рукописях, которые были у меня. Потому что тогда было очевидно, что они не могут быть напечатаны никогда и ни при каких обстоятельствах. Он писал не только "в стол", он писал по ту сторону стола, по ту сторону жизни, по ту сторону смерти. Он писал, может быть, для ангелов, для чертей, для людей совершенно других эпох и планет. Между Мамлеевым и его читателями находились космические галактики и миллиарды световых лет. Поэтому он их никак не стилизовал для публики. Потому что публики не могло быть. В этом и был парадокс картины "Девочка, читающая Мамлеева". То есть это было литературное творчество, направленное в никуда. Даже не в помойку. Ещё дальше! На самое последнее дно бытия! Может быть, поэтому они были утрачены.

В этих папках были подчас такие обороты, которые я потом не нашёл в тех же рассказах, опублико-

ванных Юрием Витальевичем. Он их заретушировал, зацензурировал. Он провёл огромную работу по превращению рукописей, обращённых к товарищам-инопланетянам, в обращённые к обычному читателю. Он вежливо и добродушно придал им более мягкий оборот. Где-то даже изъял фрагменты, дополнил чем-то ободряющим. Он не сильно исказил своё раннее творчество. Но поработал над ним, изобразив, что это "для вас". Однако это всё равно написано не "для вас", но для совершенно другого типа существ.

И если молодые интеллектуалы заинтересуются этим, то надо сделать усилие. И разделить творчество Мамлеева на две части — раннее и после поездки. И лет на 5–6 забыть позднее творчество. Пожить только с ранним Мамлеевым.

Может быть, для позднего Мамлеева ещё не пришло время. Потому что нельзя миновать какой-то этап и перескочить через целый лестничный пролёт. Надо двигаться постепенно, последовательно. Давайте начнём с раннего Мамлеева и не будем спешить переходить к позднему. Потому что между ними есть разрыв. Преодолеет ли сам Мамлеев этот разрыв, я не знаю. Это его тайна. Там, где он сейчас, наверное, он знает это. А может быть, до сих пор этот разрыв преодолевается.

Мамлеев — это настолько метафизически богатая действительность, богатая парадоксами, гранями свободы, глубиной откровений, степенью ужаса, что всё это требует целых зон, долин, долин возможностей сосредоточиться, продумать. Нужно ещё пару вселенных для того, чтобы промыслить, пройти те темы, которые были подняты Мамлеевым, Джемалем, Головиным и всеми Нашими в фундаментальном смысле.

Раннего Мамлеева достаточно на много-много поколений. Это не может быть задачей одного поколения, это не может быть задачей культуры. Поскольку это больше, чем поколение, больше, чем культура. Мамлеев заплянул в те закулисы метафизики, которые открываются или обнаруживаются только в экстремальных ситуациях. В манифестированном мире, при всём множестве мест и времён, есть совсем ограниченное количество уникальных моментов, ракурсов, с позиций которых можно заметить те расколы, те проблемы, те несоответствия в структурах глубинной метафизики, которые заметил и тематизировал в своём творчестве Мамлеев. Поэтому Мамлеев — это настоящая щель в Абсолюте, которая разверзлась на какое-то мгновение и была зафиксирована. Если угодно, было описано это мгновение обнаружения некоего несоответствия не сходящихся на самой глубине метафизической действительности концов. В самой метафизике что-то повернулось не тем боком, было задokumentировано... и снова исчезло! Вот поэтому Мамлеев как совершенно неисторичное, не связанное ни с какими историческими элементами существо — необязательный свидетель. Свидетель, который свидетельствует о чём-то настолько невероятном, что лучше бы об этом вообще никаких свидетельств не осталось. Лучше бы их стереть из истории. Но в нас всегда есть тот дух, который недоволен законченными системами, который хочет чего-то большего, который вдохновлён только невозможным, только невероятным. И движется, и жаждет только того, что просто никогда не может случиться. Мамлеев — это пример того, что случается то, что не может случиться. Написано то, что не должно быть в этих обстоятельствах написано. Сказано то и таким образом, что не имеет никаких шансов. Даже с точки зрения самой полной теории вероятности не имеет шансов быть сказанным. И это сказано! Вот что такое Мамлеев! Это чудо, это совершенное интеллектуальное чудо.

Таково моё свидетельство о Юрии Витальевиче Мамлееве.

Александр ДУГИН

ДОМРОСТ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ	
11 декабря (суббота)	16.00
Зал Ассоциации Союзов писателей и издателей Дом Ростовых (ДомРост) Адрес: Москва, Поварская ул., д. 52/55, стр. 1 (ст. м. «Баррикадная»)	
Вечер в честь 90-летия писателя ЮРИЯ МАМЛЕЕВА	
Участвуют: Павел Басинский, Алексей Варламов, Игорь Дудинский, Всеволод Емелин, Пётр Калинин, Юрий Козлов, Людмила Лаврова, Татьяна Набатникова, Максим Семеляк, Александр Ф. Скляр, Михаил Попов и другие	
Ведущие — Сергей Шаргунов и Сергей Сибирцев Вход свободный	

Газета «ЗАВТРА» зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года.
Учредитель и издатель — ООО «Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.
E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/>
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 21 150

Заказ № 6904-2021

Дата выхода в свет — 08.12.2021 г. Подписано в печать 07.12.2021 г. в 15.00, по графику — в 15.00

Главный редактор
Александр ПРОХАНОВ